

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА.

Воскресенье,

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
к № 105.

9 июля 1922 г.

Тень Вильгельма.

В Германии реакция подняла голову. Она выступает под знаменем империи. Помещикам и капиталистам снова мерещится император с его наразлучной собачкой.

Рис. худ. Ив. Малютина.

...Соратников громко он кличет
и маршалов грозно зовет!..

Кровавое преступление.

Уголовно-политическое происшествие в трех частях, с прологом и эпилогом.

ПРОЛОГ.

За границей распространился слух о том, что Вандервельде убили в России...

ЧАСТЬ I.

В московских газетах было напечатано: „По впечатлению очевидцев, Эмиль Вандервельде был совершенно обескуражен и убит неожиданной встречей, устроенной ему рабочими“.

Вотерс перевел это на французский язык и прочитал Эмилю Вандервельде.

Вандервельде сказал:

— Н-да... Гм! Ловко!

— Уж на что ловчей, — подтвердил Вотерс. — Ясно сказано: „и убит“... Сами сознались!

— Но верно ли это? — усомнился Вандервельде.

— Странный вы человек! — сказал Вотерс. — Не станут же большевики сами на себя взводить поклеп? Уж если они сообщают, что убили вас, то, значит, убили!

Вандервельде опустил голову и вздохнул:

— Какая невознаградимая потеря для Второго Интернационала!...

Вотерс пожал плечами:

— Этого надо было ожидать.

Известно, большевики!... Станут они стесняться?...

ЧАСТЬ II.

На следующий день из Москвы была отправлена за границу телеграмма:

„Его величеству, королю Бельгии. Копия—во II Интернационал.“

Честь имею уведомить о новом неслыханном злодеянии большевиков. Дерзость их дошла до того, что я, представитель II Интернационала, убит ими при исполнении моих юридических обязанностей. Отмечаю, кстати, что московские женщины носят не чулки, а носки: это дало нам с Вотерсом возможность рассматривать женские ножки. Желая пойти в театр, я не мог найти ни одной порнографической афиши. Возмущенный кошмарным злодейством, спешно покидаю Москву и возвращаюсь в Бельгию. Подробности сообщу лично.

С верноподданическим

приветом

Вандервельде“.

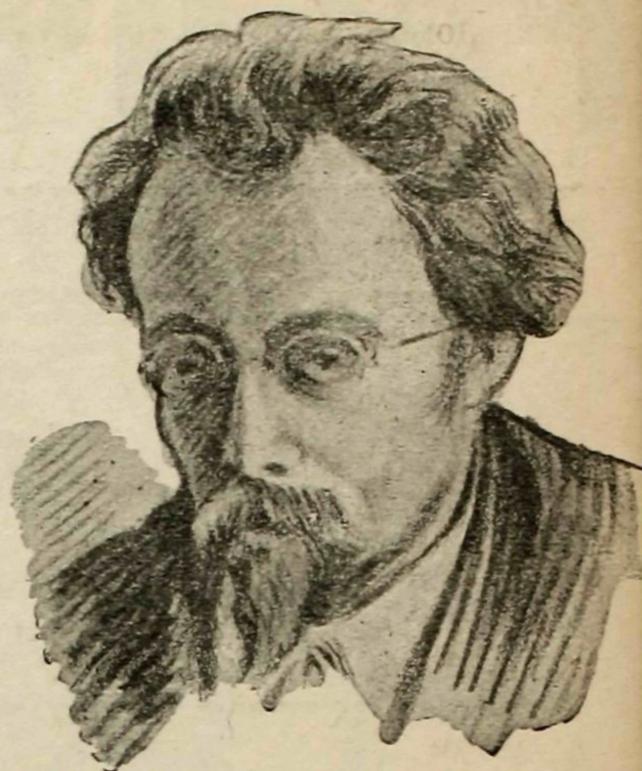
ЧАСТЬ III.

Телеграмма Вандервельде облетела все заграничные газеты.

— Неужели это правда?... —

С процесса эсеров.

(Зарисовка худ. Аксельрода).

Председатель Верховного Трибунала
т. Г. Пятаков.

спрашивал, бледнея, Двухсполовинный Интернационал.

— Насчет женских ножек?... О, на него можно положиться! — отвечал Вотерс.

— Нет, насчет того, что Вандервельде убит в России...

Второй Интернационал обиделся:

— Что же: врет он, по вашему? Говорят, перед смертью — и то люди не врут, а уж убитый то и давно не станет!...

„Голос России“ писал:

„Свидетели могут ошибаться. Но кому же, как не самому Вандервельде, лучше всех знать, убили его или не убили кровавые большевики? После этого кошмарного преступления мы готовы поверить всему, чему хотите, но только не тому, что в Москве была демонстрация против эсеров“.

Милюков плакал.

Горе Мартова, Виктора Чернова и короля Альберта не поддавалось описанию.

ЭПИЛОГ.

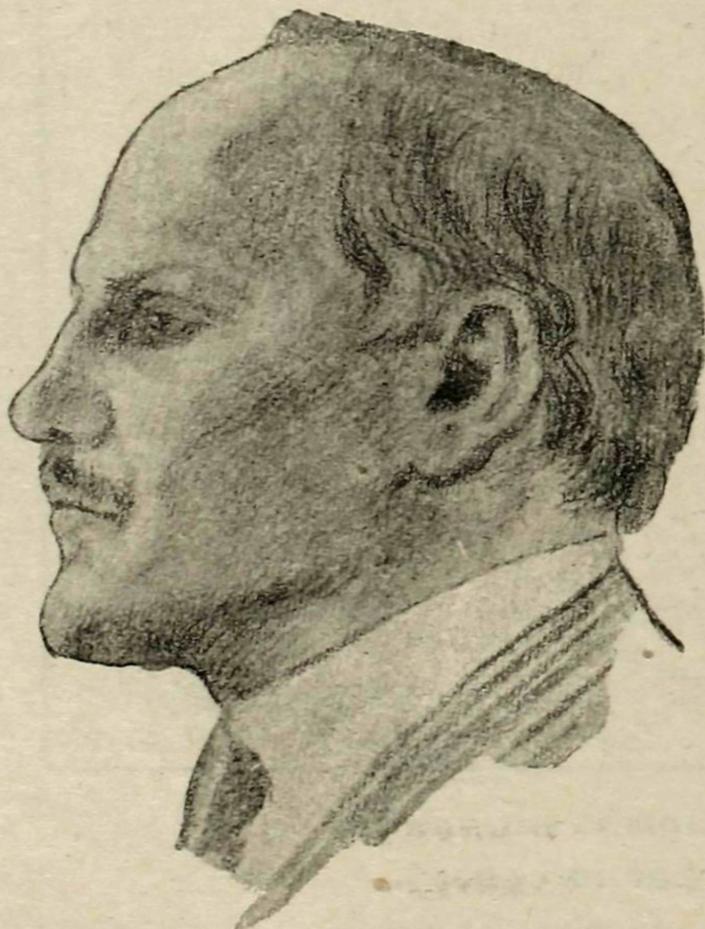
По слухам, Э. Вандервельде ходатайствует перед королем о назначении ему постоянной по-смертной пенсии. Король упрямится, утверждая, что покойник еще вполне работоспособен, но Вандервельде, прикладывая руку к сердцу, говорит:

— Ваше Величество!.. Ведь, кровь же проливал!..

Грамен.

С ПРОЦЕССА ЭСЕРОВ.

(Зарисовка худ. Аксельрода).

Государственный обвинитель т. Крыленко.

Развеянная дурь.

Шла домой, с дорожки сбилась
 Подошел ко мне студент.
 Сразу я в него влюбилась,
 Потому—антилигент.

Полюбила, согрешила,
 Стала вроде, как женой.
 Он учился, а я шила
 У мадамы у одной.

Получивши ли получку,
 Чаевые ли от бар,
 Со студентиком под ручку
 Шла гулять я на бульвар.

Покупала другу пиво,
 Бутинброт из колбасы.
 Милый ел неторопливо
 И разглаживал усы

А потом такие страсти
 Говорил мне мой крест:

— „Я, Машутка, против власти...

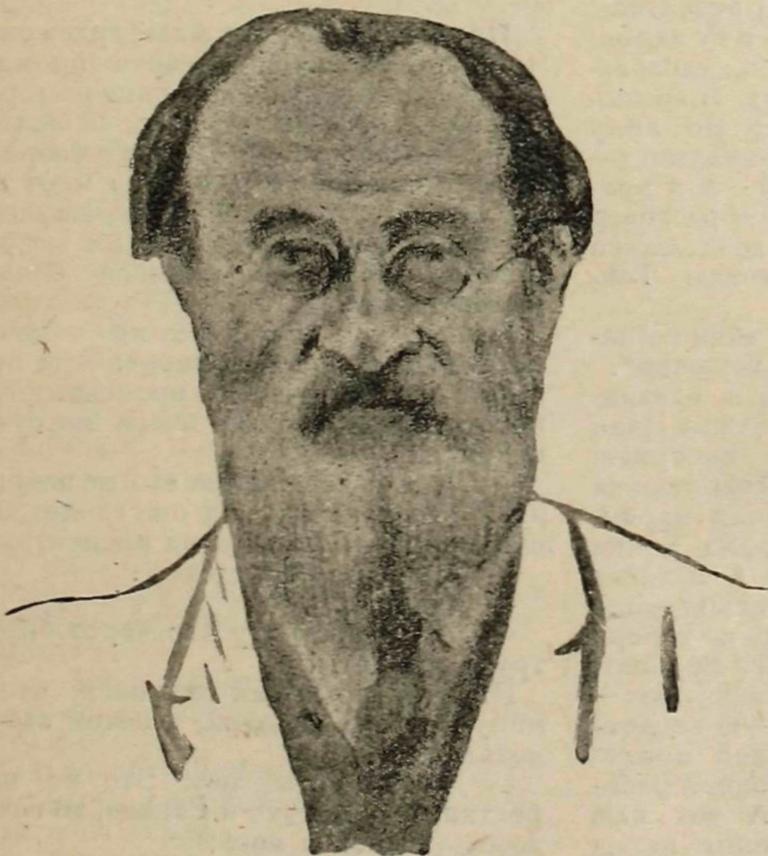
За народ я ... тирарист!“

Не грози ему-де плаха,
 Мы бы с ним пошли к венцу.
 Кумачевая рубаха
 Так была ему к лицу!

Брепко жал студент мне руки,
 Жарко щеки целовал,
 Как окончил курс науки,
 Сгинул, словно не бывал.

С процесса эсеров.

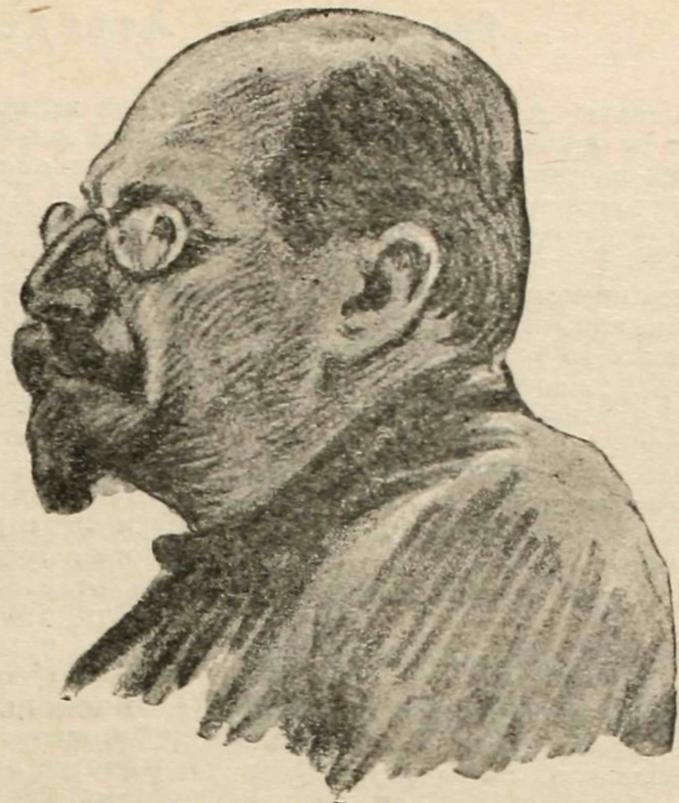
Зарис. худ. Аксельрода.

Защитник 1-й группы обвиняемых—тов. **Феликс Кон.**

С процесса эсеров.

Зарис. худ. Аксельрода.

Обвинитель—тов. **А. В. Луначарский.**

Семь годочков—срок не малый —
 Тосковала я по нем.

Тирарист в рубахе алой

Снился ночью мне и днем!

И пришлось мне, бедной швейке,

Вновь его увидеть—где?

Рядом с Гоцем на скамейке,

На эсеровском суде!

Дама с беленьким цветочком

В чистой публике сидит.

Машет милый ей платочком,

Этак ласково глядит.

Как подстреленная птаха,

Сколько слез я пролила!

Вот она какая плаха

Мово милово ждала!

Я-ль тебя поила пивом

И кормила колбасой,

Чтоб ты в браке жил счастливым

С этой барскою красой?

И рубаху для того-ли

Шила я из кумачу,

Чтоб, защитник барской воли,

Ты стрелял по Ильичу?

Да не сам стрелял,—опасно!—

Подговаривал глупцов.

Был и есть теперь мне ясно—

Ты подлец из полцецов!

В грозных вихрях красной бури

Сгинь же, лихо, навсегда!

От моей любовной дури

Не осталось следа!

Демьян Бедный.

Проманулся.

Рассказ Вас. Лебедева.

Иван Захарыч Аллебардов должен был закрыть свою парикмахерскую. Еще до революции спасаясь от воинской повинности поступил он смазчиком на железную дорогу. Жена Ивана Захарыча была тогда на сносях и дела продолжать не могла.

Но, закрывая парикмахерскую, Аллебардов решил по возможности сохранить все. Бережно и нежно уложил он в сундучок набор бритв и машинок, чашечки, кисточки, расчески и четыре батона с невыносимо душистым фиксатуаром. Все это было артистически вычищено, завернуто и поставлено под изголовье кровати Ивана Захарыча вместе с маленькой вывесочкой:

— Чистота и уют для любителей хорошей работы.

— Рекорды волосных искусств*!!

Иван Захарыч думал было сохранить и большую вывеску: „Парикмахерская Аллебардова“, но она заняла бы полквартиры и скрепя сердце он отдал ее на слом.

Из четырех парикмахерских зеркал два пришлось продать, зато другие два Аллебардов берег до самозабвения.

— Глаза—зеркало души, зеркало—душа и глаза парикмахера—говорил он и не позволял жене своей рябой и вечно беременной женщине даже заглядывать в зеркала, из опасения, как бы зеркало вдруг не отразило раз навсегда ее рябое лицо.

Сам же Иван Захарыч ежедневно возвращаясь с работы дышал на зеркала и благоговейно протирал их остатками замшевой перчатки.

Закрывание парикмахерской Аллебардов считал делом временным.

— Подожди!— говорил он жене— Сейчас все находится в полнейшей антрипанации. Подожди. Еще поработаем!

И вообще Иван Захарыч унывать не любил. К этому приучила его жизнь и работа в парикмахерской,—нужно было острить, занимать посетителей, приучать публику. А может быть и парикмахером то Иван Захарыч стал оттого что любил поболтать и поострить. Этой привычки не отняли у него ни вечная нужда, ни бесконечно растущее семейство.

В самые тяжелые дни голодовки после революции, когда ему удавалось хоть на день сменить мерзлую картошку кониной, он не мог не сострить:

— „Лошади поданы!“

Он на лету подхватывал все ходячие остроты и изобретал новые. Напрасно старалась навеи опечалившаяся жена обуздать своего не в меру веселого супруга: Иван Захарыч продолжал острить и мечтать о собственной парикмахерской.

* * *

Нэп окрылил Ивана Захарыча. Мечты о возрождении своей парикмахерской заслонили все: он говорил только об этом и наяву и во сне, бредил.

А когда открылась в центре города первая частная парикмахерская, он заболел от тоски. Тут уже и жена пришла на помощь,—надо было спасать мужа. И без того худой—он вовсе

высох теперь и платье висело на нем, как на вешалке.

На семейном совете решено было, что Иван Захарыч продает все что можно, займет, где только можно, бросит службу и... одним словом, помещение Аллебардов давно уже присмотрел, инструменты в исправности и даже на вывеске „яти“ и твердые знаки давно перемазаны по новому правописанию. Старший сын Петька будет приучаться к делу, а пока обольванивать машинкой кого попроще.

О том, как, где и сколько хлопотал Иван Захарыч, рассказывать долго,—об этом нужно было бы написать целый отдельный рассказ. Достаточно сказать, что перед открытием Аллебардов чуть ли не насильно остриг и выбрил начальника милиции и трех милиционеров, а белобрысой жене делопроизводителя из коммунального хозяйства подарил фальшивые локоны черные, как вороново крыло.

* * *

Наконец, парикмахерская открылась и дела ее сразу пошли успешно, хоть и не так блестяще, как предсказывал Иван Захарыч.

Зато сам он сразу ожил и даже помолодел, несмотря на уйму хлопот.

Бодро щелкал он ножницами, стриг, брил, правил на ремешках бритвы и звонко подкидывал сынишкам Петьке и Саньке!

— „Мальчик, готовить!“

— „Для бритья!“

— „Стул подать!“

Увивался угрем над посетителем:

— „Не беспокоит?“

Острил, приучал публику и чувствовал себя точно рыба в воде.

— „Я, брат, конкуренции не боюсь!“— говорил он шурина Максиму, угощая его „по случаю начатия дела“.—У меня для каждого свой подход. Посетитель, по нашему клиент, пойдет в ту парикмахерскую, где ему почет и удовольствие, где его занять могут. Я каждому потрафить могу. Понял? По лицу узнаю, что тебе надо: ты коммунист—и я коммунист, ты буржуй,—и я вроде буржуй, с попом у меня и разговор поповский,—яко, како, дондеже,—а вообще благословите, батюшка! Тонкая, брат, штука! Понял?

Шурин Максим икнул в знак согласия и допил свой стакан „горючей“.

— „Я тут одного буржуй в отчаянный восторг вогнал,—продолжал Иван Захарыч.— Вот, говорю, смотрите: Карл Маркс—революции старикашка заваривал, а сам гривеника парикмахеру заплатить не мог, до конца жизни как лесной человек в волосах ходил.—Так что ты думаешь?—Две бумажки от себя набавил и теперь постоянный мой посетитель, Во, брат! А с коммунистами я начинаю так:— Вот, мол, очень я сочувствую советской власти, а волей-неволей приходится мне контр-революционной работой заниматься. Как так? А вот как: советская власть хочет, чтобы народ развивался, а я его завиваю. И выходит, что я контр-революционер.— Ну, конечно, смеются. Понял? Каждому свое. И уже тут Иван Захарыч маху

не даст, не промахнется, будьте покойны*!

Шурин хотел что то сказать, но потом раздумал и только икнул в знак одобрения

* * *

Случилось так, что Иван Захарыч все таки дал маху.

Однажды в парикмахерскую вошел прилично одетый человек не особенно толстый, но и не тонкий с небольшим саквояжем в руке.

Время было раннее, народу было мало,—самый удобный случай, чтобы приучить посетителя. И Иван Захарыч, конечно, такого случая не упустил.

Начал с остроты о Карле Марксе, посетитель буркнул что-то неопределенное и замолчал.

Аллебардов принял молчание посетителя за одобрение и целым дождем посыпал на его голову специальные „буржуйские“ остроты.

Повидимому, на посетителя они не произвели никакого действия. Только раз он открыл рот, чтобы сказать:

— „Ради бога, поскорей!“

— „Постой же, я тебя пройму!“ подумал Иван Захарыч и, опасливо взглянув на входную дверь, пустился ругать советскую власть во все тяжкие.

Но посетитель не проронил больше ни слова. Молча встал, молча заплатил деньги и ушел, хлопнув дверью.

С его уходом в душу Ивана Захарыча закралось сомнение.

— „Почему он так серьезно глядел? Неужто я промахнулся? Мало того, что посетителя упустил,—еще не известно, что он наделает“,—тоскливо думал Аллебардов.

Было неприятно и сосало под ложечкой. Профессиональное самолюбие было больно уколото.

— „Не может быть—утешал себя Иван Захарыч—не может быть!“—но внутри что то пищало:—Проманулся, промахнулся...

* * *

На следующий день Аллебардов окончательно убедился в своем промахе, в парикмахерскую зашел инспектор по охране труда Золотухин. Зашел он случайно по пути с большой фабрики, потому что давно не брился и от жары под подбородком мучительно щекотала щетина. Инспекторским же разговором Золотухин занялся больше по привычке.

Иван Захарыч всего этого, конечно, не знал и появление инспектора приписал исключительно проискам того посетителя, которому вчера не сумел потрафить.

— „А я и вежеталем его не вспрыснул!“—тоскливо думал он глядя бессмысленными глазами на инспектора.

— „Вы одни работаете?“

— „Один“...

— „А подростки у вас через биржу труда приняты?“

Иван Захарыч так смутился, что минуту стоял колодой, а потом забормотал:

— „Да, то есть... нет! Это не подростки, это Петька и Санька, то-есть... вообще сыновья мои!“.

Золотухин задал еще два-три вопроса, ничего вопиющего не нашел и ушел весело напевая: щетины под подбородком больше не было.

Но Ивану Захарычу казалось, что с ним будет что-нибудь ужасное: или парикмахерскую закроют или его самого посадят.

В тот же день побежал он на рынок и купил две большие жестяные плевательницы. Сыновьям строго-настроено приказал:

— «Когда ходите на двор—мойте руки, и при посетителях улыбайтесь».

Даже своему политическому нейтралитету изменил Аллебардов: откуда то извлек и повесил на видном месте зашиженный мухами портрет Луначарского, — хотел достать Ленина, да не нашел.

***

С трепетом и надеждой ожидал Аллебардов инспектора Золотухина или своего молчаливого посетителя.

— «Может быть, заглажу, отыграюсь».

Инспектор вообще не пришел больше, а посетитель заглянул через четыре дня.

— «Постричь и подравнять! Да поскорей!»—бросил он еще в дверях.

Ивана Захарыча бросило и в дрожь, и в зноб, и жар. Волчком завертелся он перед посетителем. Захлебывался словами, расхваливая свою парикмахерскую.

— «У нас знаете, товарищ, все по закону. Кодекс о труде, можно сказать. Вот скажем плевков—пустое дело. А тут нужно плевательницу иметь—иначе эпидемическая заболеваемость».

Намылив щеки, Иван Захарыч начал распространяться о достоинствах и преимуществах Советской власти. Он пел соловьем и, слушая его, даже камень поверил бы в его истинно-советские чувства.

Но посетитель молчал и сердито шмыгал носом.

В припадке отчаянья Аллебардов пустил в ход всю свою изобретательность.

— «Жалко красных фронтов сейчас нет—я бы добровольцем!»..

Посетитель молчал и молчал.

И лишь когда Иван Захарыч, вылив ему на голову флакон лучшего одеколона объявил, что все кончено, он расплатился и уходя бросил от двери одно только слово:

— «Ду-р-р-ак!».

Иван Захарыч все еще стоял как громом пораженный, когда минуту спустя в парикмахерскую вошел сосед-зеленщик Кавуков.

— «Ну, брат Иван Захарыч! К тебе даже тузы наши начинают ходить—поздравляю!»—проговорил он, здороваясь.

— «Какие тузы?»—пробормотал Иван Захарыч как во сне.

— «А как же? Жеребятников сейчас от тебя вышел. Пятнадцать лошадей своих, лесной склад налаживает... Аллебардов позеленел...»

***

После этого случая Иван Захарыч долго работал молча. Злился на сыновей.

— «Чего улыбаетесь черти?».

А одному посетителю чуть не отхватил пол-уха.

Только постепенно пришел он в себя и опять стал острить, но уже только насчет погоды

— «Погодка-то! Дождит и дождит! Должно быть писаря в небесной канцелярии перепились».

Вас. Лебедев.

Три тотализатора.

РАБОЧИЙ ТОТАЛИЗАТОР.

Рабочий: — Эй «ставка», вывози, голубушка тарифная! Цены на продовольствие от тебя отставать начинают. Только до обуви и одежды мне с тобой еще далеко. Ну-ка, поднажми хорошенько!

КРЕСТЬЯНСКИЙ ТОТАЛИЗАТОР.

Голодный крестьянин: — Неизвестно, что скорее: урожай новый поспеет или сивка издохнет. Выручай сивка, спасай—жизнь свою на тебя поставили!

НЭПМАНСКИЙ ТОТАЛИЗАТОР.

Нэпман: — Повидимому, я очень много проиграл. Но это не значит, конечно, что нам придется себе в чем-нибудь отказывать. Просто я накину на товары лишние десять процентов!

Когда привели 101 убийцу...

„Из Берлина получено сообщение об аресте двух других убийц Ратенау“

„В Шверине арестован по делу Ратенау Мекленбуржец Истреман“

„Арестован по делу об убийстве Ратенау Круль“

В числе судей над убийцами Ратенау входит несколько монархистов“

(Из газет).

Когда был арестован убийца Ратенау—Эберт, радостно потер руки и воскликнул: „Теперь контр-революция подавлена“...

Шейдеман весело ухмылялся рядом... На душе было спокойно и весело.

Когда привели второго убийцу, Эберт подозрительно прищурился и приказал вскрыть труп Ратенау. Вера в победу еще не была подорвана.

Оказалось, что от трупа остался один скелет... Жуткое подозрение стало прокрадываться в душу Эберта. Шейдеман мрачно курил...

Когда привели третьего убийцу—Круля, подозрение увеличилось, выросло и огромным комом сдвинуло горло Эберта. Шейдеман начал читать вслух сочинения Каутского.

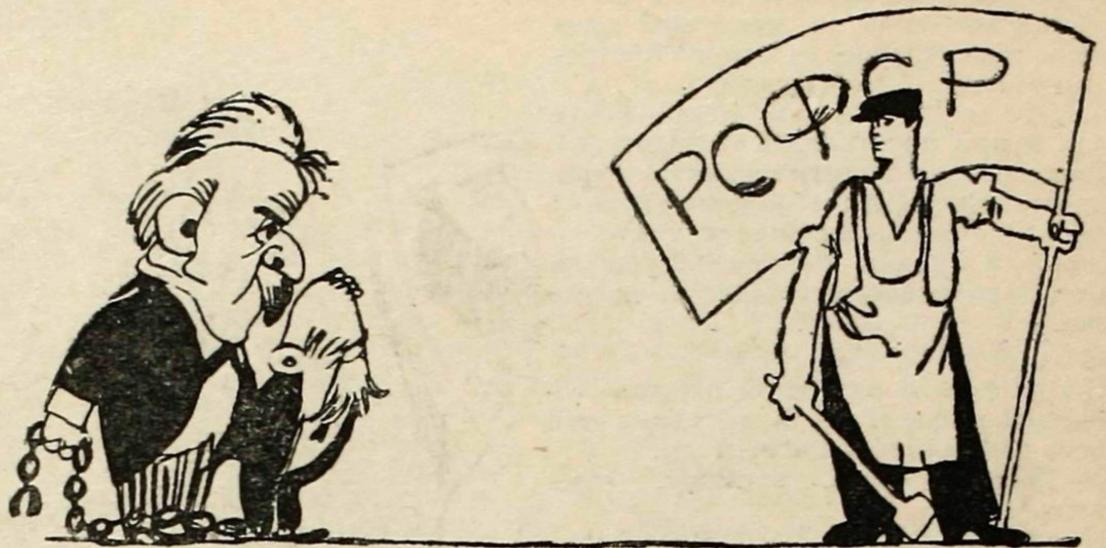
Через два дня число убийц Ратенау возросло до 20. Каждый признался в убийстве и не оправдывался. Эберт перестал ходить в рейхстаг и вызвал к своему дому усиленный караул.

Через неделю был нанят специальный штат для обслуживания убийц. Вирт проводил в рейхстаге вопрос о кредите на новые дома заключения.

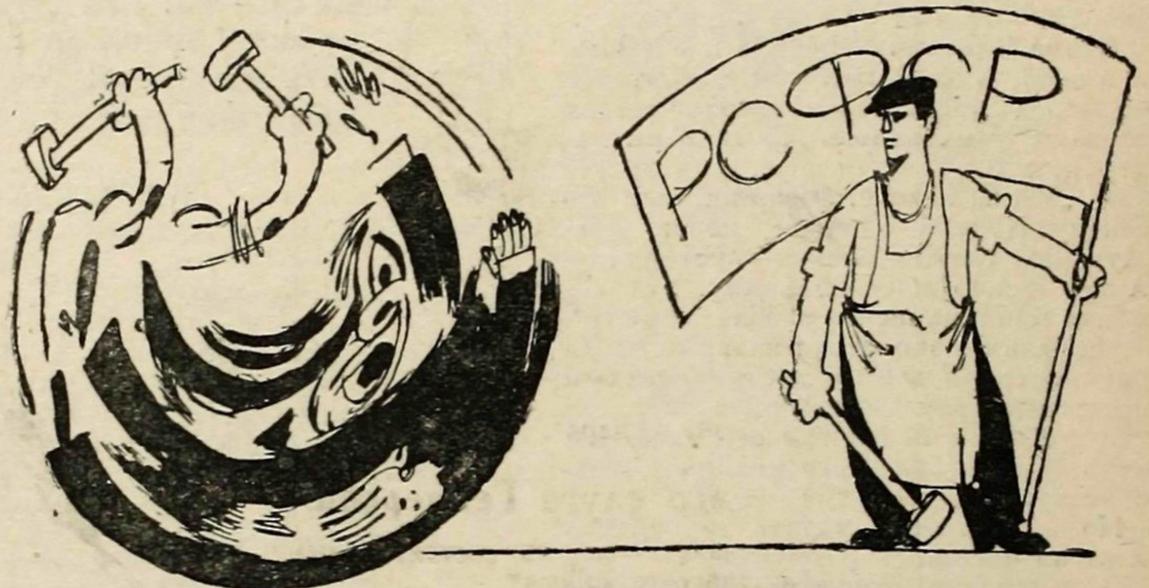
Исследовали скелет Ратенау... В костях ничего особенного не нашли. Шейдеман потерял аппетит и заболел бессонницей.

Решение „русского вопроса“.

Рис. худ. М. Черемных.

Век будет решать буржуазия „русский вопрос“.

Нужно чтобы мировой пролетариат ускорил вот эдаким образом его решение.

И вопрос решится сам собой!..

Когда привели 101 убийцу, Эберт вышел на улицу, сел на гrotуар и горько заплакал...

Убийцы организовались в профессиональный союз вместе с судьями-монархистами и вынесли правительству вотум недоверия...

Шейдеман напился и долго, и безутешно бил стекла в трамваях.

Вирт повесился на лестнице рейхстага.

В Германии начиналась контр-революция...

Исбах.

Театральная страничка.

Рис. худ. М. Черемных.

Белогвардейцы.

Из оперы „Жизнь за царя“.

Георг Английский и его слуга Гендерсон.

„Председатель 2-го Интернационала Гендерсон состоит тайным советником английского короля“.

(Из газет).

„Братья—разбойники“.

Вильгельм.

„Живой Труп“.

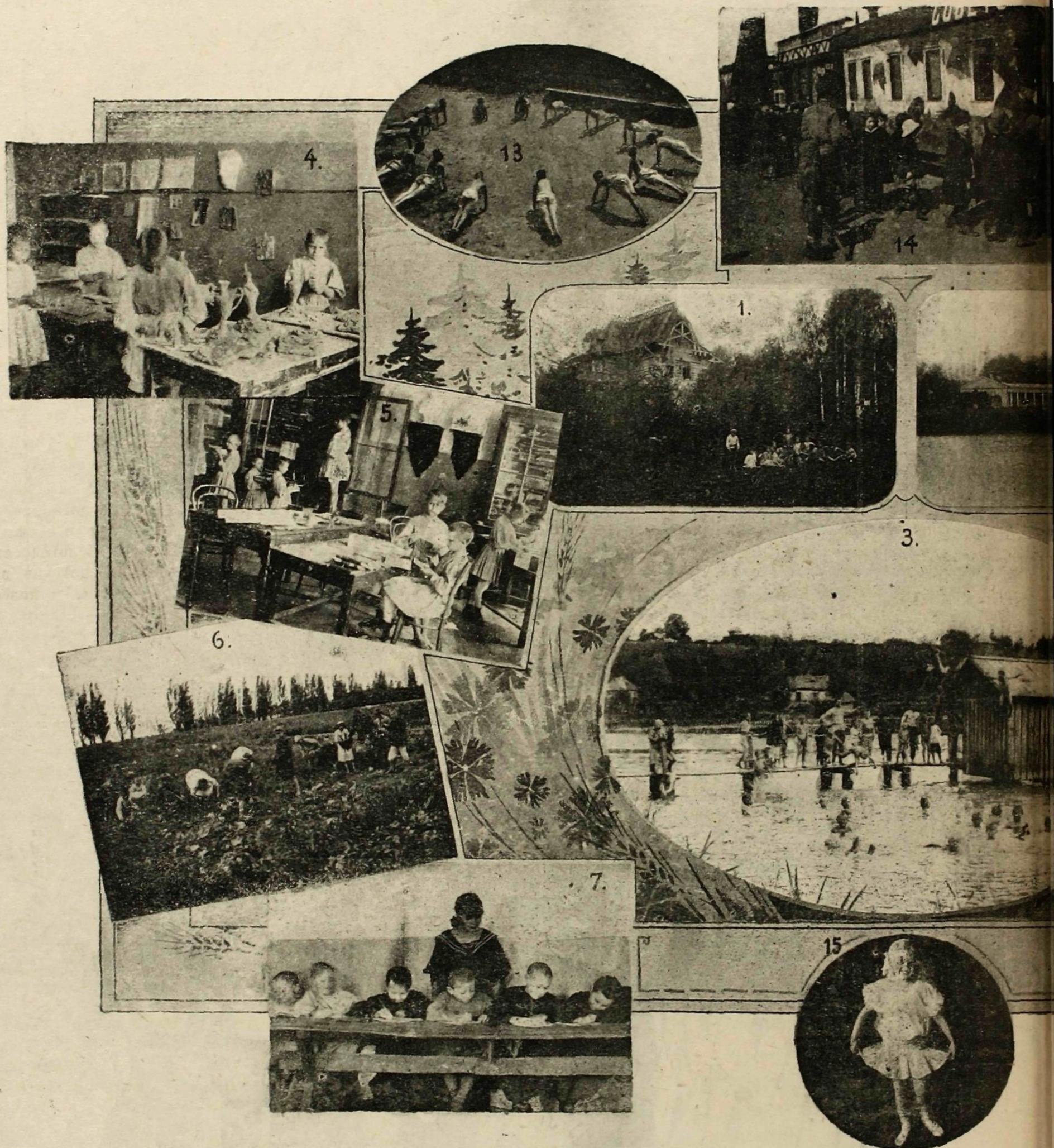
Антанта.

„Три сестры“ (По Чехову). В Москву, в Москву!..

ДЕТИ—НАШЕ

(Жизнь и быт детей)

1) и 2) Детские дворцы и дачи, расположенные в окрестностях Москвы. 3) Детская колония им. Ленина в м. Лубнах имени т. Ленина.—Дети за работой на огороде. 7) 1-ый детский дом в Мозыре.—Дети за уроком чистописания. 8) Школьно-показательная площадка.—За обедом. 10) Дом матери и ребенка в Москве. 11) Дети на торжестве в честь с'е 14) Посещение поезда «Красный казак» детьми клуба. 15) Девочка—

БУДУЩЕЕ!

(колониях и санаториях).

О ДЕТЯХ.

Во время Первомайского праздника на одной из окраин Москвы я видел целый полк веселых ребятшек. Впереди шли чуть видные карапузы, быстро семеня ножками, и несли знамя: „Шире дорогу—молодая Республика идет!“ Помню, я засмеялся. А потом задумался...

Слова, которые несли тогда карапузы на алом знамени, вовсе не смешны. Дети—наше будущее, будущее Республики. Нашей борьбой, нашими страданиями и трудами мы расчищаем широкий путь для них. Им должны отдать мы всю заботу, всю нежность, которые еще остались в наших сердцах, огрубелых в битвах и испытаниях.

Советская власть делает сейчас для детей все, что в ее силах, даже сверх того. Этого не могут не признать даже заграничные белогвардейские журналисты, это видят и знают все трудящиеся России. Золотой сеткой покрыли всю Россию детские дома, ясли, площадки, школы и колонии. Забота о детях—одна из самых больших заслуг Советской власти.

Но забота эта должна стать не только заботой государства—все трудящиеся должны принять в ней участие. В особенности важно это теперь. Нужно не дать возможности НЭПу сократить число детских учреждений. Наоборот, число это нужно по возможности увеличивать, учреждения расширять и улучшать. Нужно помочь государству в организации школы, которая также очень болезненно чувствует на себе влияние НЭПа.

А главное—не нужно ни на минуту забывать о сотнях тысяч голодных ребят, которые до сих пор еще не все пристроены.

Отцы и матери! Рабочие и крестьяне! Не забывайте о своих детях, о детях своей страны. Помогайте им словом и делом, советом и материальной помощью. Ведь это наше будущее. Не даром на алом знамени, которое несли, карапузы было написано:

— „Шире дорогу—молодая Республика идет!“

В. Кумач.

Урок лепки. 5) Физическое воспитание детей.—Уборка библиотеки. 6) Колония
 ая школьно-показательная площадка санитарного отдела Наркомпроса. 9) Детская
 народов Востока в Бану. 13) Физическое воспитание.—Урок гимнастики.
 на студии Мелиной. (Петроград).

Астраханские рыбные промыслы.

Волго-Каспийский рынок с его богатейшими Астраханскими промыслами, находящимися в управлении Астраханского Областного Управления Рыбной промышленности, давал до войны от 20-ти до 25-ти миллионов пудов рыбы.

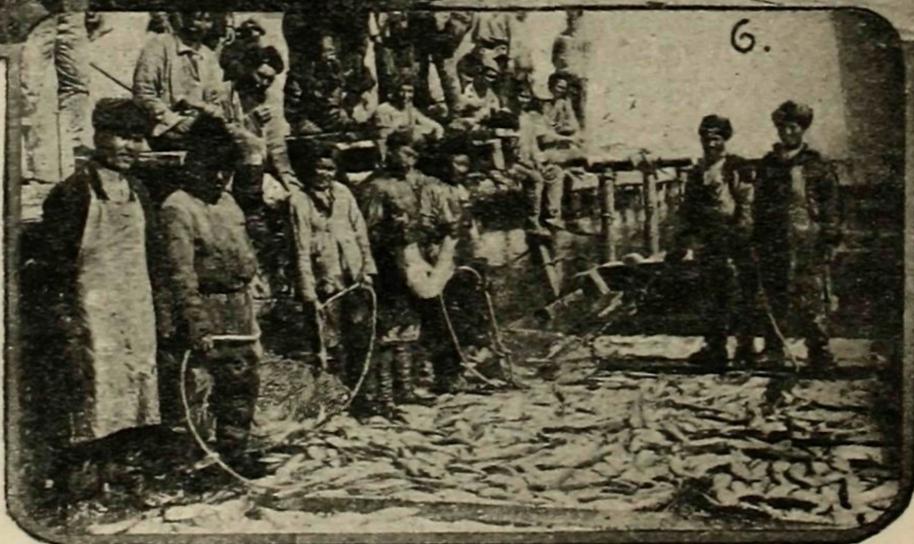
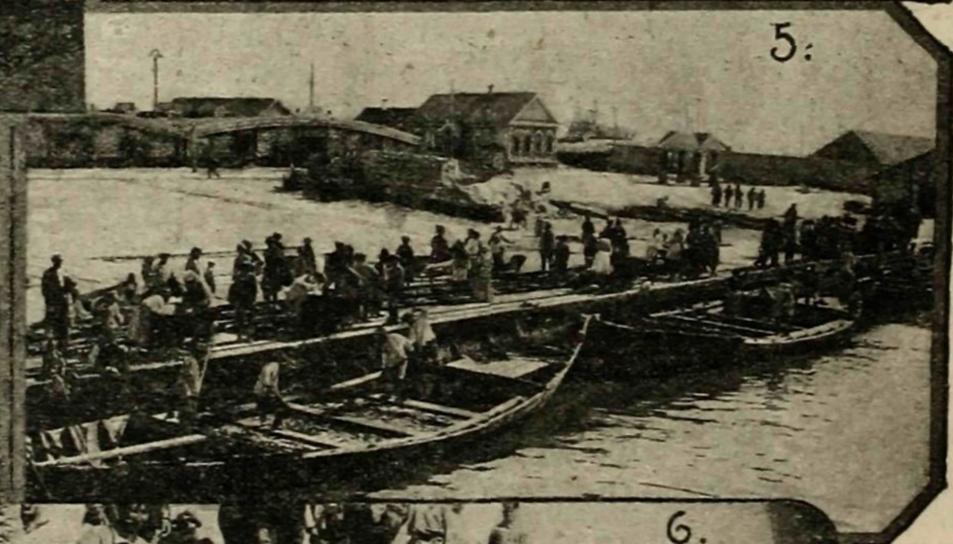
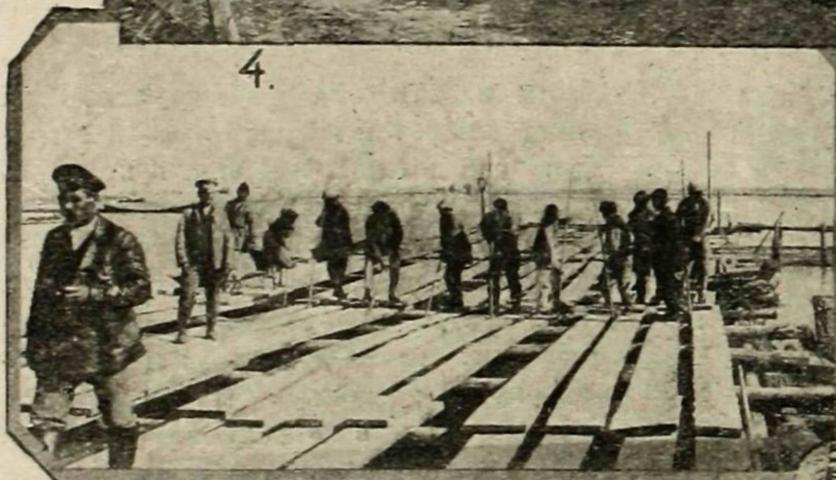
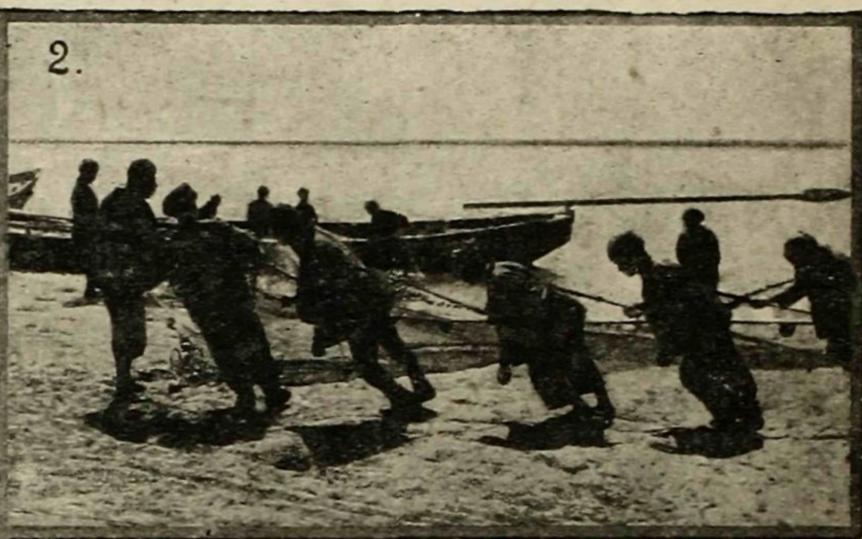
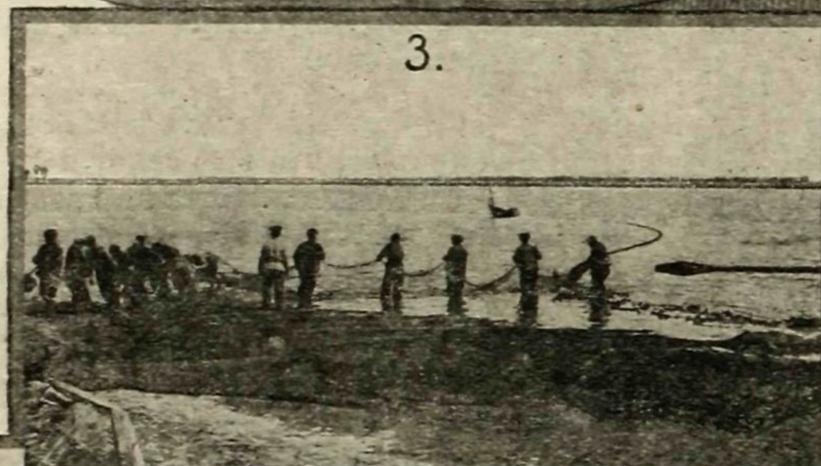
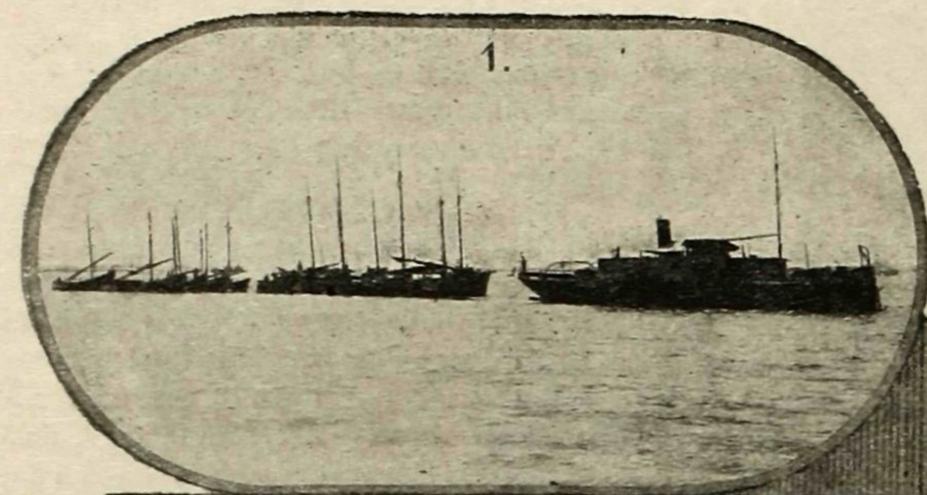
На земном шаре это самый богатейший из рыбных районов.

Учеными доказано, что рыбные запасы Каспия теперь увеличились, по крайней мере, в $1\frac{1}{2}$ раза, рыба оставляет после себя больше потомства; это относится к важнейшим породам рыбы, идущим для потребления населения, как то: вобла, сельдь, судак. Причиной этому малые уловы последних 8-ми лет; теперь, вместо прежних 25-ти миллионов, без ущерба для рыболовства можно вылавливать от 30-ти до 35 мил. пуд.

Война и послевоенная разруха сильно отозвались на Астраханских рыбных промыслах, но несмотря на это в 1921 году, в весеннюю путину улов достиг 6.000.000 пудов, при производственной программе в 8.000.000 пудов (на весну).

Сейчас количество государственных промыслов сокращено; часть сдана кооперации и в аренду контрагентам, и тем не менее только на государственных промыслах поймано свыше 9 500.000 пудов. Таким образом, перевышено задание производственной программы улова.

Промысловая рабочая сила вербуются из пришлых элементов крестьян приле-

1) Буксирный пароход тянет баржи с рыбой, 2) Рабочие тянут невод, 3) Выборка невода, 4) Довля рыбы новыми методами: загораживание реки и оставление ворот для прохода рыбы, снабженного неводом, 5) Выгрузка рыбы из прорезей (лодок) на лучшем из промыслов (Образцовском), 6) Группа рабочих и ловцов киргизов и калмыков, снятая в момент перед разгрузкой ими прорези с рыбой.

гающих к Астраханскому краю губерний, а также инородческого населения: киргизов и калмыков, идущих на самые тяжелые работы.

Скверные условия труда, плохое питание рабочих и ужасные жилищные усло-

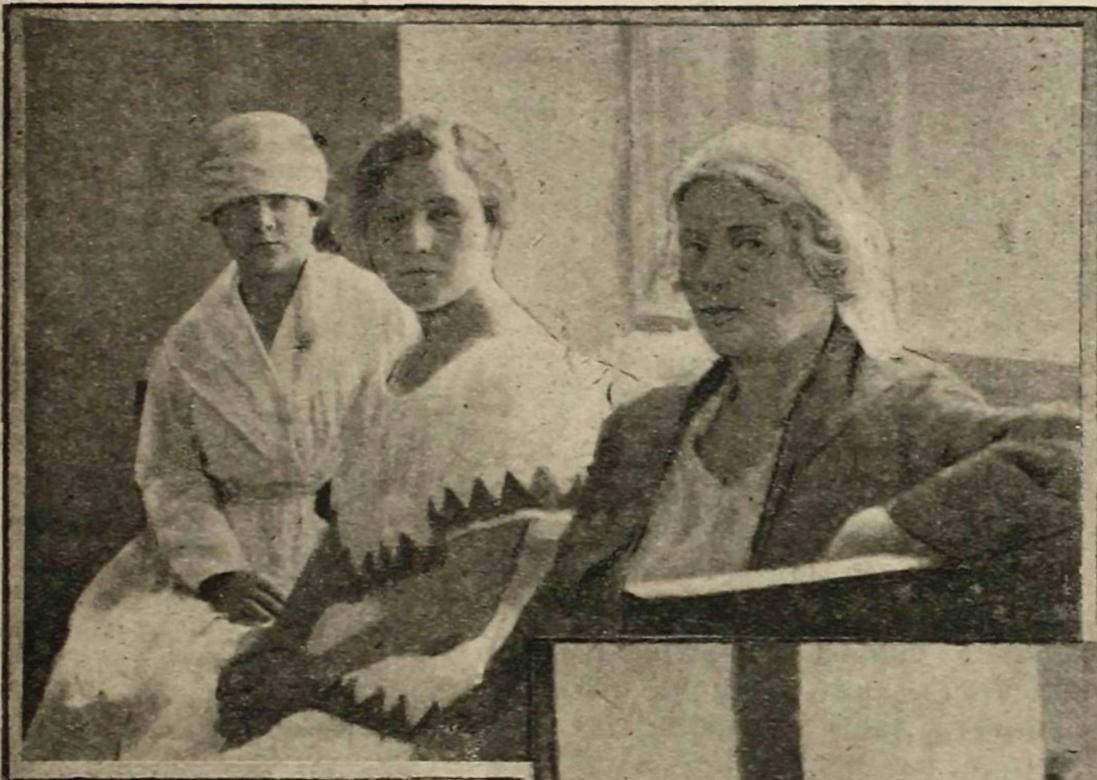
вия остались, как наследие капитализма, и нужно много усилий, чтобы улучшить жизнь промысловых рабочих и ловцов.

Как очередную задачу нужно указать на механизацию промыслов, применение консервирования рыбы, вместо практику-

емого сейчас в массовом размере соления, утилизация отбросов и отходов промысла и т. д.

Борис Иванов.

Процесс содержателей домов свиданий.

Приговор публику разочаровал, в особенности работниц:

— „Мало!—говорят они — Очень мало!“—и не хотят признавать никаких смягчающих вину обстоятельств.

Пожалуй, они правы.—но не совсем. Одними суровыми судебными приговорами проституции не уничтожить. Нужно повести широкую общественную борьбу с этим злом. И первое место в этой борьбе должны занять сами женщины — работницы.

Борьба с женской безработицей, агитация, устройство разумных развлечений и школ для женщин — диночек—вот путь, по которому нужно идти в борьбе с проституцией.

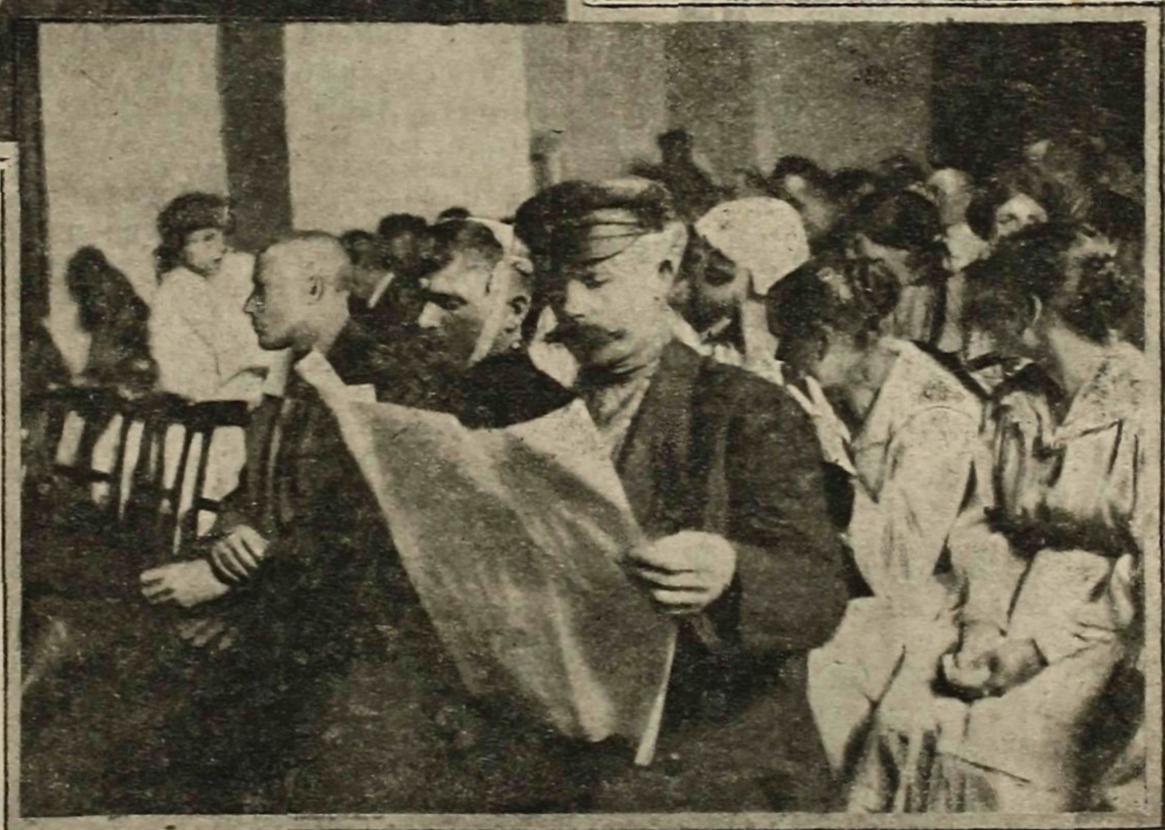
Л.

В среду 5 июля в Москве закончился судебный процесс содержательницы дома свиданий Комаровой и ее сообщниц Куск и Морозовой.

Обвиняемые судились за то, что заманивали в свой притон женщин работниц и заставляли их, пользуясь их нуждой, заниматься проституцией. Тут же замешаны были и представители милиции, вместе с управляющим домом.

Только благодаря смягчающим вину обстоятельствам суд приговорил Комарову к тюремному заключению на 1½ года и Морозову на 1 год. По закону же им следовало дать не меньше 3х лет тюрьмы.

Процесс Комаровой вызвал большой интерес среди массы рабочих и работниц. Сравнительно небольшое здание клуба им. т. Дзержинского едва могло вместить всех желающих.

1. Жертва эксплуатации. 2. В публике.

Открыта подписка на ИЮЛЬ и АВГУСТ

„Рабочая газета“ уделяет особое внимание защите интересов рабочих в частных и государственных предприятиях.

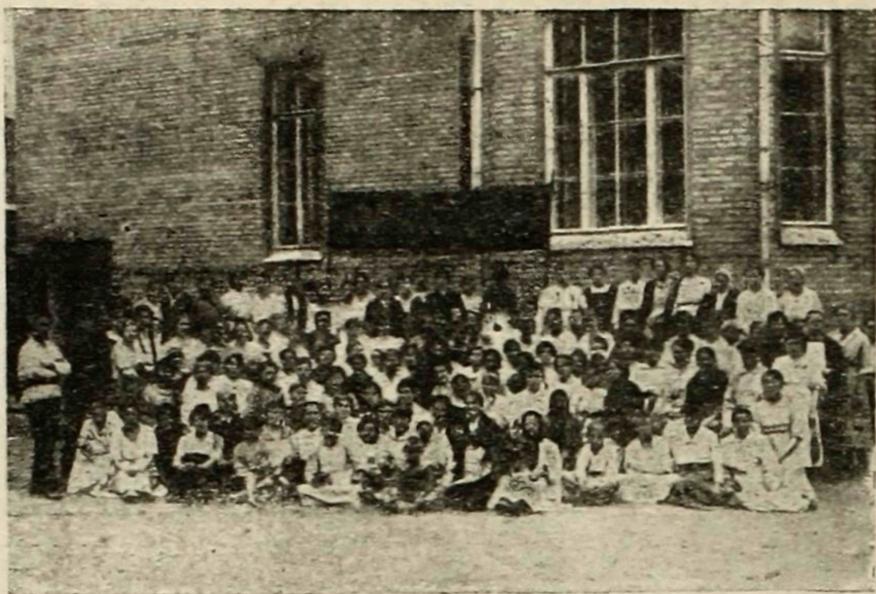
„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“, газета не для рабочих, а газета самих рабочих. Главное место на ее страницах уделяется статьям, письмам и корреспонденциям рабочих. Собственные корреспонденты за границей. Много рисунков, каррикатур.

По воскресеньям „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ выходит с бесплатным, для подписчиков, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМ и САТИРИЧЕСКИМ ПРИЛОЖЕНИЕМ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: в Москве и в провинции с доставкой и пересылкой на июль 80 руб., на август—100 р. Можно подписываться сразу и на два мес. Подписная плата **увеличена не будет.** Подписка должна адресоваться исключительно в Главную Контору газеты „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“: Москва, Страстной бульвар, Путинковский пер., д. № 3 (быв. „Утро России“). Суммы указаны в дензнаках образца 1922 года.

НА „РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ“.

Женщина-работница—будь на страже!

Общегородская конференция женщин-работниц в Москве.

Женщина работница, в связи с НЭП'ом, должна крепче держаться за свои женские общественные организации. Количество безработных женщин растет. В связи с демобилизациями, мужской труд начинает вытеснять женский. Некоторые не в меру ретивые администраторы стараются, по возможности, вовсе убрать женщин со своих предприятий. Безработные женщины часто попадают в грязные лапы проституции.

Со всем этим женщины-работницы должны вести решительную борьбу.

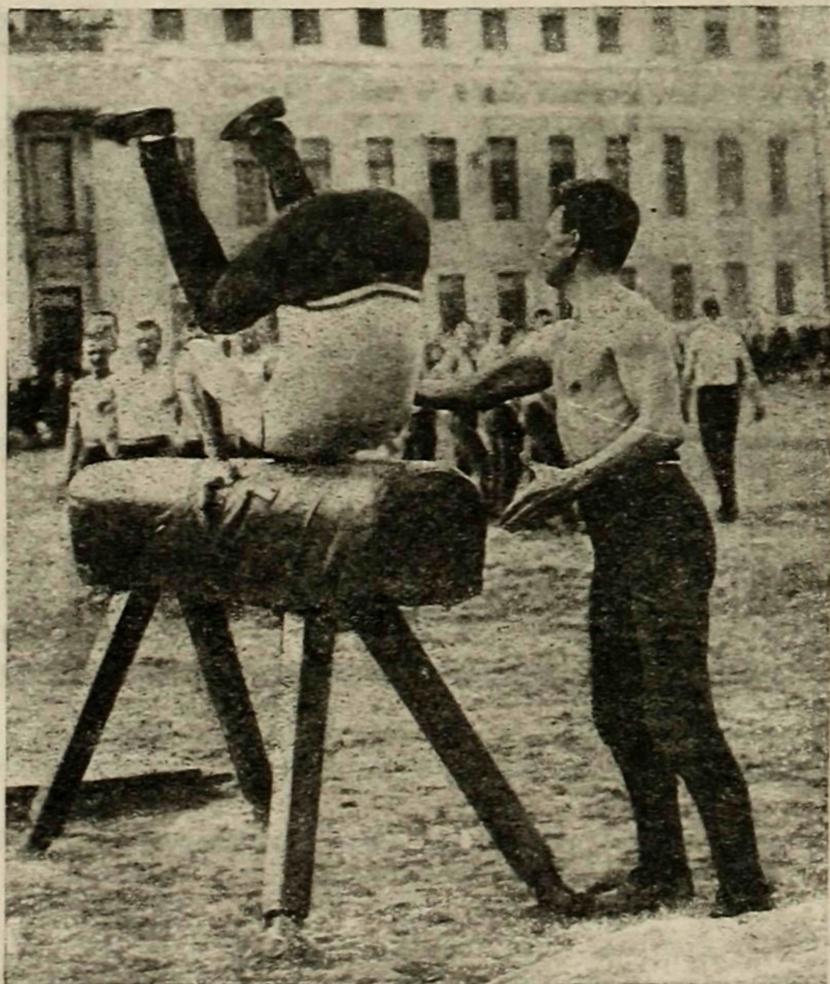
На каждом собрании, на каждой конференции — не должно быть ни одной женщины равнодушной и безразличной.

Перед женщиной-работницей, кроме прежних ее задач, встают новые: борьба с безработицей, проституцией, и вновь начинающимся уходом от общественной жизни.

Эти задачи женщина-работница должна разрешить во что бы то ни стало.

В.

Уголок спорта.

Упражнения Кремлевских курсантов.

Новости науки и техники.

Радиограф и радиотелефон.

Радиограф и радиотелефон обещают уничтожить расстояния между мировыми центрами—Парижем, Лондоном, Москвой, Берлином и Вашингтоном. Расстояния в тысячи верст в значительной степени теряют свое значение, если можно слышать голоса, музыку, а то и уличный шум города на другом материке.

Радио-телеграф и радио-телефон находятся еще, несомненно, в младенческой стадии своего развития, но и теперь уже Европа и Америка, как и другие континенты кажутся притянутыми друг к другу радио-тивными волнами.

Самая могущественная в мире радиотелефонная станция расположена около Бордо, во Франции. Эта станция была построена во время мировой войны американским морским ведомством, а потом продана Франции. Известная под именем „Станции Лафайетта“, эта станция легко посылает свои сообщения в Вашингтон,—расстояние в 4.000 верст по воде и суше. Дешевизна этой станции достигала уже и французского Гендо-Китая, отстоящего на 6.000 верст.

Вторая могущественная радио-станция открыта была недавно на Лонг Айланде, около Нью-Йорка. Она отправляет послания в Германию на расстоянии около 4.000 верст.

Две морские радио-станции в Аннаполисе, в штате Мэриленд, и в Кавите, на Филиппинских островах в состоянии сообщаться со станциями, расположенными на радиусе 5 500 верст. Морское ведомство имеет также „станции отправления“ на побережье Тихого Океана, на Гаваях и в Гуаме.

Британское почтовое ведомство имеет сеть радио-станций, послания которых могут облетать весь земной шар, хотя каждая из этих многочисленных станций не отличается большой мощностью.

Во всех странах мира радиотелефон быстро входит в употребление. Радиостанции имеются в Японии, в Голландии, в Египте, в Норвегии, в Италии и в ряде других стран. Отдаленные острова и территории связываются этим путем с политическими и культурными центрами мира.

Буржуазия и голод.

Почтим вставанием!..

Уважаемые нэпманы

Перед ужином твердят:

— „Мужички теперь от голода
Умирают, говорят“...

„Господа, какое бедствие!

Тяжело живется им!

Нет! Голодных, перед ужином,
Мы—вставанием почтим!..“

И столы трещат под явствами,

От обилья редных блюд

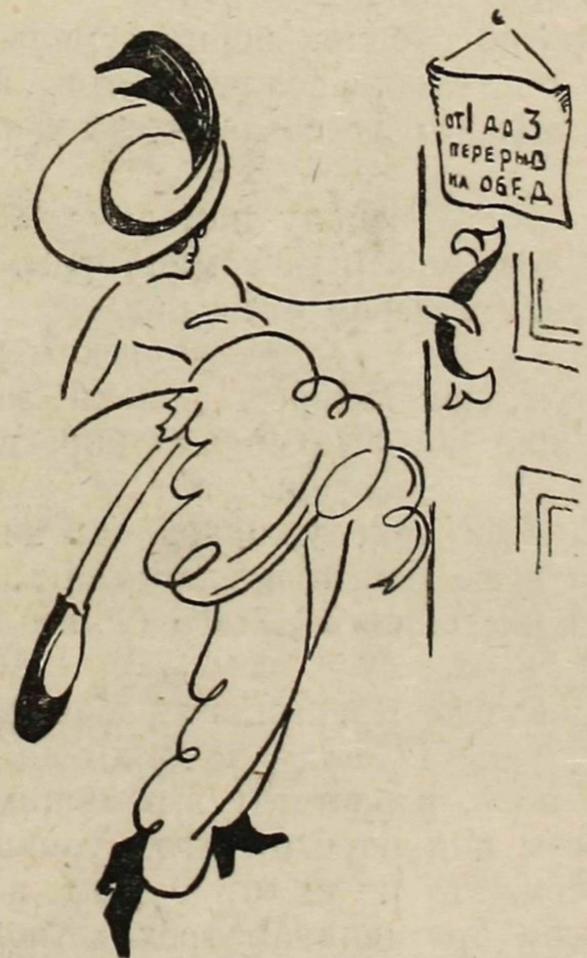
В честь несчастных голодающих
Дружно нэпманы встают...

„Призрак урожая“ в России.

Из газеты „Накануне“. Берлин.

Закрyто на обед!

... Говорят в России голод. А вот тут написано, что они обедают целых два часа!

НЭП и НЭПМАН.

Как представляет себе нэпман новую экономическую политику.

АНАФЕМА.

(Новая белогвардейская молитва, специально составленная ко дню красного курсанта).

О царских офицерах,
Выезжающих на правых эсериках,
Мечтающих с ними работать совместно,—
Господу помолимся!..

А офицеру красному,
Для нашей братии весьма опасному,
Который солдата, никогда, как следует не
обидит

И кто в солдате человека видит,
Анафема-а-а!..

О полковниках белых—
Против рабочих борцов смелых,
О тех, кто на солдат смотрит, как на скотину,
И жаждет воссоздать самодержавных дней
картину,—

Господу помолимся!..

А всем красным командирам,
Непочтительно относящимся к царским генеральским мундирам,
Всем, для которых чепуха золотые погоны
И для которых ерунда царские троны,—
Анафема-а а!..

За всех прислужников царских,
За всех врагов пролетарских,
За настоящего белого (а не красного!) ко-
мандира,

Далекого от грязного рабочего мира,—
Господу помолимся!..

А всем, к братству стремящимся,
Всем под царским игом томящимся,
Всем, кто не видит в нем великого блага,
Всем противникам трехцветного флага —
Анафема-а а!..

Дарвалдай.

Эсеровская колыбельная.

Спи, эсерик мой прекрасный,
Баюшки-баю!
Тихо смотрит Врангель ясный
В колыбель твою.

Как тебе дарил он ласки,
Песню я спою;
Ты-ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю!

По камням струится Сена,
Плещет мутный вал...
Фош для красных вдохновенно
Точит свой кинжал..

Будешь в обществе хорошем
Жизнь вести свою,
И дружить ты будешь с Фошем.
Баюшки-баю!..

Чтобы сбросить красных бремя,
Им намять бока,—
Ты пойдешь—настанет время—
На большевика!

Скажешь: „Что мне долг заветный?
На него—плюю!
Я люблю лишь флаг трехцветный!“
Баюшки баю!..

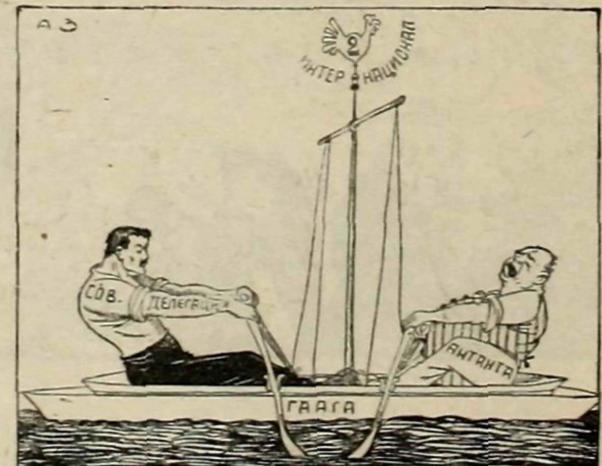
Вандервальд ты с вилу будешь
А душой—Чернов,
И до гроба не забудешь
Старых ты основ..

В дружбе будешь ты великой,
Теша жизнь свою,
С Колчаками и Деникой...
Баюшки баю!

И дойдешь, в движении быстром,
Ты до высоты,
И услуживать министрам
Льстиво будешь ты...

Спи, эсерик мой прекрасный,
Баюшки-баю!
Тихо смотрит Врангель ясный
В колыбель твою!..

М. П.

Бельгиец и городской.

Бельгийский делегат нелюбезно, между прочим, почему русское правительство не испрашивает кредитов на полицию, существование которой является необходимым для поддержания нормального хода промышленности. Тов. Литвинов успокоил его, заявив, что эти расходы Советское правительство берет на себя.

(Каблограмма бюро печати из Гааги от 30—VI—1922 года).

Б А С Н Я.

— Так вам нужны от нас кредиты?

Бельгийский делегат сердитый

Открыл вопросом речь свою:

— Прекрасно! Скажем, я даю

Всю сумму нужную сполна,

И ваша бедная страна

Стать на ноги сумеет прочно,

Но тут, случайно иль нарочно,

Литвинов не сказал ни слова

Про русского городского:

Живет ли он, каков собою,

И не обижен ли судьбою?

Мы все не прочь

Ему, несчастному, помочь!..

Бельгиец вытащил бумажник из кармана:

— Он—столп, опора, страж, охрана

Союзников моих судят!..

А вы ни звука о кредите!

Он—охранитель...!

— Да погодите!

Бельгийца осадил российский представитель:

Не плачьте, дорогой!

Мы сами охранить сумеем свой покой

Не хуже Бельгии—богачки..

* * *

Смысл басни этой угадает каждый:

В любой момент открыть бумажник

Тузы бельгийские готовы,

Чтоб поддержать... городского!

Сергей Голяр.

Хлам нашей жизни.

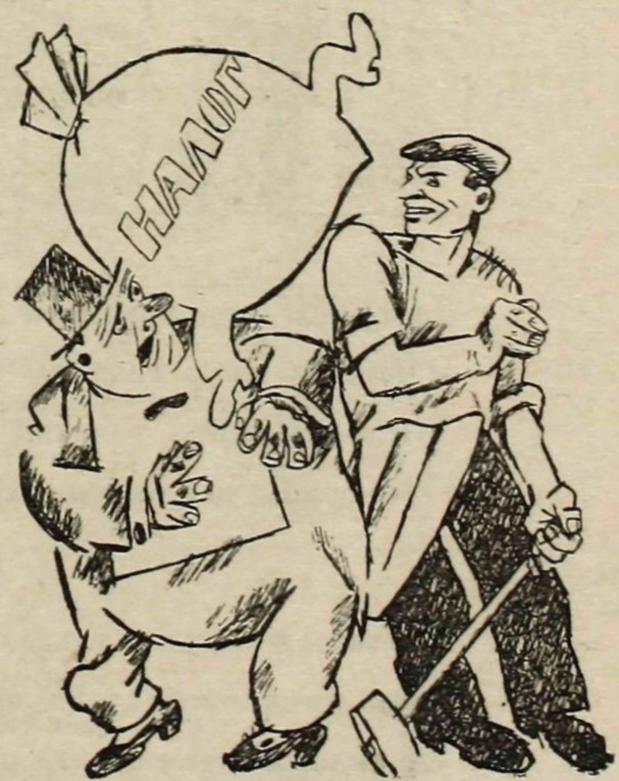

Очереди: 1) У иконы!.. 2) У модного магазина

НЕ В ТО СЕДЛО.

Большую часть налогов должны нести буржуазия и торговцы. Все предметы роскоши должны быть обложены налогом.

(Из газет).

Рабочий (налогу).— Возьми-ка поправей, любезный! А то я вижу, ты хотел сесть не в то седло!..

Крайности сходятся.

Рис. худ. Ив. Малютина.

За привычной кружкой пива
Прочитав свою газету,
Так воскликнул толстый Фридрих:
— Красных мы сживем со свету!

И решивши, что Вильгельму
Трон предложат дней чрез десять, —
Он сказал жене Амальхен:
— Надо Кайзера повесить!

А рабочий, прочитавши
Монархистские газеты,
Так воскликнул, за живое
Белой бандою задетый:

— Будут с каждым днем упорней
Монархисты куралесить!
Чтоб пресечь все это в корне, —
Надо кайзера повесить!..